

Подвиг комиссара

Рассказ о советском летчике, первым таранившем наземную цель

15 августа 1974 года я прочитал в «Правде» статью генерал-майора авиации В. Васильева. Внимание приковали строки: «...Недавно в архиве найдено подписанное комкором Г. К. Жуковым представление к высшей государственной награде воинов, отличившихся в боях на Халхин-Голе. Двенадцатый в этом списке — военком 150-го бомбардировочного полка батальонный комиссар М. А. Ююкин, который «...при выполнении сложного задания... попал под ожесточенный обстрел вражеских зенитных батарей, был подбит и, презирая смерть, направил горящий бомбардировщик на японский дзот».

Есть полное основание считать, что это был первый советский летчик, совершивший таран наземной цели. Кто же он, огненный комиссар?

ВЫЗОВ в Москву был для лейтенанта Ююкина неожиданным. В то время он, военком эскадрильи, готовился к поступлению в военную академию. Но все быстро прояснилось. Его назначили для выполнения особого задания в 150-й бомбардировочный авиаполк. На новое место службы было приказано отбыть немедленно.

Когда до отъезда оставалось несколько часов, Михаил Анисимович записал в свой личный дневник: «Сейчас ночь. По радио с Красной площади передали бой кремлевских часов, а перед этим было слышно, как шумела великая площадь. Буду я слышать эти родные звуки и там, в далеких степях. Это живет, это трудится родная моя столица. Рыцарские клятвы, конечно, ни к чему, но в одиночестве сейчас размечтался — захотелось кому-то на прощание сказать только одно: товарищ Ююкин перед лицом родной страны выполнит свой долг. Выполнит так, как подобает его выполнить комиссару, коммунисту, советскому летчику...»

Сестра Ююкина Александра Анисимовна в письме рассказала, что жизненный путь брата был типичен для того времени. Шестнадцатилетний подросток организовал комсомольскую ячейку и был избран ее секретарем. Через год, в числе первых сельчан, вступил в колхоз. Затем была Сталинградская летная школа. Авиация пришлась ему по душе. Учился хорошо. После окончания школы его сразу назначили военкомом эскадрильи. И не случайно: еще до поступления в летную школу молодой коммунист окончил совпартшколу.

Шел поиск... С дочерью Михаила Анисимовича я встретился в Воронеже. Нелли Михайловна согласилась съездить со мной к тете в родное село отца.

Александра Анисимовна тогда вспоминала:

— Летом 1938 года отец перевез жену Миши с детьми к нам. Осенью Таня уехала к мужу. А в мае они были уже у нас. Приехали в отпуск. Прошло совсем немного времени, и брат неожиданно объявил: «Возвращаюсь в свою часть. Там тяжело».

А это воспоминание очевидца попало в мои руки случайно: судьба свела нас в послеоперационной палате. Во время боев на Халхин-Голе Павел Семенович Алексеенко, тогда еще лейтенант, командовал одной из батарей зенитчиков, прикрывавших аэродром авиаполка. Ему довелось встречаться с командиром и комиссаром.

— Оба отменные летчики, но совсем разные люди. Командир майор Михаил Бурмистров рослый, суровый. Комиссар Михаил Ююкин — сама противоположность: невысокий, улыбчивый. Были они дружны и неразлучны.

Затем он рассказал, что аэродром располагался в нескольких километрах от реки Керулен. Водил полк всегда командир, а комиссар был правым ведомым. Ююкин выполнял еще и разведывательные полеты.

Уже дома, выверяя по карте названия пунктов и расстояния между ними, я позабавился профессиональной памятью Алексеенко...

С волнением я читал фронтовые письма Ююкина, которые бережно хранит Нелли Михайловна. «Врагов мы бьем порядком, Они нас очень боятся. За три дня 28—25 июля сбили семьдесят пять самолетов, а 20 числа — тридцать один...» «Должен сказать, что мои товарищи работают, дерутся хорошо. Самому хвастать неудобно, но ты меня знаешь, я же комиссар, а это значит — быть впереди». «Никитина нет, погиб геройски. В этом бою был и я... Нет уже всеми любимого комиссара Кириллова. Очень жаль его. Погиб на боевом посту. 28 июля хоронили в Баян-Тумене (ныне город Чойбалсан в МНР.— Ред.). Я тоже летал...»

Вот строки из последнего письма: «Таня, конечно, ты как жена беспокоишься, но убедительно прошу — не беспокойся обо мне. Знай, что твой друг, если все будет в порядке, вернется, а если нет, то погибнет не трусом, а героем. Об этом расскажешь Толику и Нелли».

ЛЕТЧИК не знал, что от бессмертия его отделяют считанные минуты.

В раскаленном дрожащем воздухе стоял гул моторов. Скоростные бомбардировщики выруливали на старт. Первыми, один за другим, взлетели командир и комиссар.

Полк, как свидетельствуют очевидцы, шел на высоте пять тысяч метров. Первую девятку вел командир. Правым ведомым, как обычно, был Ююкин. Впереди показалась окаймленная крутыми скатами, местами заболоченная долина реки Халхин-Гол. Бомбардировщики направились к цели. На земле бесновались зенитки. Черные рваные клочья разрывов ложились близко. Но комиссар не свернул с боевого курса.

Во время бомбардировки в самолет комиссара попал снаряд. Вспыхнул левый мотор. Ююкин пытался сбить пламя скольжением, но тщетно. Он приказал экипажу покинуть машину. Сделать это успел лишь штурман Александр Морковкин. Стрелку-радисту Петру Разбойникову суждено было погибнуть вместе с командиром.

Комиссар направил свой горящий бомбардировщик на японский дзот. Взметнулись клубы огня и дыма. Раздался оглушительный взрыв.

Все это произошло в полдень 5 августа 1939 года.

«Я был уверен, — писал штурман Морковкин, — что, даже теряя сознание, в удушье и пламени, наш комиссар направит свою гибнущую, превратившуюся в стремительный факел машину в самый центр вражеских огневых точек. Так и произошло.»

Сохранились документы, касающиеся и самого Морковкина. «Морковкин простой, очень скромный. Он спасся при катастрофе, прыгнул с парашютом, проделал сорок километров пути ползком, ночью... Распухли ноги. Босой. Большое напряжение», — записал 7 августа 1939 года в дневник военный фотокорреспондент П. Трошкин (погиб в 1944 году).

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года за образцовое выполнение боевых заданий, за доблесть и мужество, проявленные при выполнении боевых заданий, батальонный комиссар Ююкин Михаил Анисимович награжден орденом Ленина, старший лейтенант Морковкин Александр Максимович и старшина Разбойников Петр Николаевич — орденом Красного Знамени. Морковкину А. М. награда вручена 17 декабря 1939 года». (Из справки отдела наград Президиума Верховного Совета СССР).

В центре села Гнилуши Воронежской области, метрах в двухстах от дома, где родился и вырос комиссар, установлен бюст героя — молодой летчик с открытым мужественным лицом задумчиво глядит вдаль. На пьедестале надпись: «Ююкин Михаил Анисимович. 1911—1939».

В. ЛАВРЕНЕЦ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии.